

Крикливец Е. В.

«ФЕНОМЕН ДВОЙНОГО ВИДЕНИЯ» В СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОЗЕ И В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. В 60-е – 70-е годы XX века в литературу приходят авторы из поколения «детей войны». Их личный военный опыт отличается от опыта представителей «лейтенантской прозы», однако автобиографическая основа творчества бесспорна. В белорусском литературоведении появляется термин «феномен двойного видения» для обозначения специфики субъектной организации произведений ряда писателей. Данное понятие может быть экстраполировано на изучение русской военной прозы советского и постсоветского периода. Автор статьи демонстрирует, что проза современных авторов о Великой Отечественной войне представляет собой литературную рефлексию, рецепцию или деконструкцию традиций советской литературы, в ней прием «двойного видения» претерпевает трансформацию в связи с индивидуально-авторскими творческими поисками, необходимостью дифференцировать способы внешней и внутренней фокализации, созданием новых социальных и культурных импликаций исторической памяти о трагедии советского народа в годы войны.

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, реализм, модернизм, военная проза, субъектная организация, прием «двойного видения».

Для цитирования: Крикливец Е. В. «Феномен двойного видения» в советской военной прозе и в произведениях современных авторов о Великой Отечественной войне // Ученые записки НовГУ. 2024. 3(54). 451-458. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.3(54).451-458

Тема Великой Отечественной войны в славянских литературах неисчерпаема. Это и произведения, созданные в военные годы, и литературная рефлексия (от идеализации до дегероизации) послевоенных десятилетий, и беллетризованный автобиографический опыт представителей поколения «детей войны», и попытка художественного постижения исторической правды, предпринятая на рубеже XX–XXI веков. Общечеловеческое и творческое сознание пытается вместить трагический опыт гуманитарной катастрофы и оценить ее социальные и экзистенциальные последствия.

В произведениях новейшей литературы (и белорусской, и русской), появившихся в последние годы, наблюдается множество социальных и культурных импликаций исторической памяти. Военное прошлое осмысливается на основе архивных данных, документальных и публицистических источников, художественного наследия предшественников. Отдаленность во времени от событий военной действительности и наличие информационного и культурного «буфера» открыли новые возможности моделирования художественного континуума в стиливой интеграции реализма и модернизма, реализма и постмодернизма.

Семантические и морфологические трансформации связаны с изменившейся когнитивной задачей авторов – рассказать о судьбах мирного населения во время войны (в тылу врага, на оккупированных территориях), что обусловило актуализацию конкретных типов героев. Во многих книгах о войне главными героями становятся дети. Несмотря на то, что тема военного детства всегда отличается трагическим

звучанием, в русской и белорусской военной прозе середины и второй половины XX века изображение детских судеб обладает некоторой спецификой. Русские писатели в своих произведениях (В. Богомолов «Иван» (1957), В. Катаев «Сын полка» (1944), Л. Касиль и М. Поляновский «Улица младшего сына» (1949)) повествуют о детях, которые во время войны были вынуждены рано повзрослеть и стать солдатами, способными на подвиг. Казалось бы, в центре авторского внимания – образ ребенка, однако герои названных произведений вполне вписываются в соцреалистическую концепцию «сверхличности» (дети совершают подвиги, которые под силу не каждому взрослому). При этом сами произведения отличаются героическим пафосом.

В 1960-е-1970-е годы в литературу приходят авторы из поколения «детей войны». Их собственный военный опыт отличается от опыта представителей «лейтенантской прозы», однако автобиографическая основа произведений бесспорна. Известный белорусский писатель К. Чорный отмечал: «Беларускіх дзяцей, у лепшыя гады іх яснага маленства спасцігла вялікае няшчасце ўбачыць сваю Радзіму пад жудаснай акупацыяй. Дзіцячая душа на ўсё жыццё захавае ў сабе малюнак залітай крывёй травы, попел пад ветрам на месцы роднай хаты і трупы замучаных. А часта гэта труп бацькі ці маці... Тое, што не пад сілу было б перажыць самаму моцнаму духам і цела мужчыну, на тое асуджае нашых дзяцей подлы нямецкі прышэлец... Няма нічога страшнейшага, калі на дзіцячым ілбе мы бачым маршчыну старасці. Але няма нічога больш вялікаснага за тое, калі дзіця, на хвалях пакут і змагання сваіх бацькоў, свайго народа, узнімаецца да сапраўднага гераізму» [Чорны, 1975, с. 317].

Термин «феномен двойного видения» появился в белорусском литературоведении для обозначения специфики приемов фокализации, используемых в целом корпусе произведений белорусских авторов. В повестях В. Козько «Високосный год» (1972), «Повесть о беспризорной любви» (1977), «Суд у Слабадзе» (1978); А. Адамовича «Венера, або Як я быў прыгоннікам» (1992) и др. история героя-ребенка, имеющая автобиографическую основу, описывается с позиции взрослого повествователя, который пытается воскресить свое детское восприятие событий, а нередко и вершит моральный суд над собой маленьким, собой прошлым. Происходит своего рода разделение повествующего и повествуемого «я».

Уже в раннем творчестве белорусского писателя В. Козько получает творческое переосмысление евангельский мотив суда. Литературная рецепция и индивидуально-авторская трансформация данного мотива очевидна в повести «Високосный год», в которой автор восстанавливает трагические события своего военного детства. Мировосприятие ребёнка мифологично, ему присущи не только созерцательность, но и некоторая иррациональность, алогичность. Немецко-фашистские захватчики убивают маму мальчика, в доме беспомощной остаётся его маленькая сестричка, а трехлетний Дима катается со снежной горки и не торопится звать на помощь. Повзрослевший автор-повествователь бескомпромиссно осуждает за это себя-ребенка, невзирая на сложившиеся в христианской этике представления о безгрешности детства. Автор повести «Високосный год» выбирает полный страданий путь возвращения в военное прошлое, поскольку без этого возвращения ему не обрести самоидентификации, не постичь глубинной правды о себе, не стать полноценной личностью.

Творческая эволюция В. Козько свидетельствует о постепенном переходе автора из реалистической парадигмы в модернистский дискурс. Не случайно в финале анализируемого произведения использованы приёмы фантастической художественной условности, белорусский писатель допускает отступления от библейской образности. В видениях главного героя жертвы прошедшей войны оживают на кладбище. Среди них – и мама Димы, которая поднимается из могилы для того, чтобы снять с совести сына груз вины и ответственности и указать на подлинных виновников трагедии – взрослых людей. В. Козько упрекали за, на первый взгляд, лёгкое решение целого комплекса экзистенциальных проблем, за искусственность такого сюжетного хода. При этом следует учитывать, что вся логика духовной эволюции героя свидетельствует о том, что, совершив нелегкое «возвращение» в свое военное прошлое, взвалив на себя груз чужой вины, он, безусловно, заслужил искупление.

Ещё одно русскоязычное произведение В. Козько – «Повесть о бесприютной любви» – развивает тему воспоминаний героя-повествователя о военном детстве и мук совести за некое «преступление», совершенное в прошлом. В названной повести фантастическая условность соседствует с библейской цитацией. Главного героя, Андрея Разорку, мучают приступы душевной болезни, или, как он её называет, «невроста». Во время приступов Андрей вспоминает о своём пребывании в немецком концентрационном лагере, в его сознании возникает образ заключённого, у которого мальчик забрал кусок хлеба в обмен на губную гармошку. Процесс духовного восхождения Андрея так же, как и экзистенциальное пробуждение Димы, связан с мучительным возвращением в прошлое и жестоким моральным судом над самим собой. Кульминацией духовного возрождения героя, свидетельством искупления его вины становится в повести «бесприютная любовь» – чувство, которое впервые суждено было испытать Андрею и Тамаре, девочке из детского приёмника-распределителя. Автор лишает повесть счастливого финала: героям предстоит долгая, если не вечная разлука, но сама возможность первого нежного чувства говорит об их способности, пусть ненадолго, вырваться из плена прошлого, компенсировать другому человеку недостаток тепла и душевной близости.

Детское мировосприятие воссоздает в автобиографическом сборнике «Мальчики из блокады» (1983) русский прозаик Александр Крестинский. Включённые в сборник рассказы и повесть «А потом началась война» описывают жизнь ленинградских мальчишек до войны и в период блокады. В отличие от В. Козько, А. Крестинский не пытается судить себя-ребенка за игровое, несерьезное отношение к войне в самом ее начале, понимая, что все мальчишки в детстве мечтают о сражениях и подвигах. Фашистские оккупанты воплотили их фантазии в жестокую реальность: «И все-таки война началась. Узнав об этом, мы взяли свои сабли и ружья и пошли на задний двор готовиться к битве с Чингисханом, которого уже окрестили между собой фашистом, и шумели там весело, лихо, победно, выгоняя из паутинных углов последнюю тишину, пока не пришел Коля Кумач, особенно серьезный, бледный, с печальными серыми глазами на большом одутловатом лице, и не сказал – чересчур грубо, как мне тогда показалось: “Дураки, война ведь...”» [Крестинский, 2019, с. 154].

Ребятам пришлось окунуться с суровые будни войны. Однако в повести налицо

дифференциация повествующего и повествуемого «я», поскольку детское восприятие мира, несмотря на все ужасы блокады, более оптимистичное, нежели у автора-взрослого. Ребята из последних сил выживали и хоронили близких, но при этом продолжали верить в любовь и дружбу, интересоваться книгами, жили внутренне наполненной жизнью. Прием «двойного видения» помогает А. Крестинскому рассказать о трагических событиях простыми словами, показать войну пусть не с позиции героизма, но с позиции оптимизма и стремления к добру и свету.

Прием «двойного видения» используется и в повести Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр!» (1961). Конечно, солдаты – это уже не дети. Но на фронт Б. Окуджава попадает в семнадцать лет, вчерашним школьником. Спустя два десятилетия после военных событий, автор очень откровенно и честно повествует об армейском прошлом, воскрешая все подробности драматического столкновения романтического юношеского сознания с тяготами военного быта. В автобиографической повести Б. Окуджавы также отсутствует героический пафос. Война для ребят – это и страх, и неопытность, и гибель товарищей, и в то же время – первая влюбленность, самоотверженная дружба, стремление сохранить в себе человеческие качества. Герой-повествователь не склонен осуждать себя за неопытность, ошибки и малодушие, скорее, он иронизирует над собой, отмечая свою ничтожность перед лицом громадной исторической катастрофы: «Командир полка читает донесение и посматривает на меня. И я чувствую себя тщедушным и маленьким. Я смотрю на свои не очень античные ноги, тоненькие, в обмотках. И на здоровенные солдатские ботинки. Все это, должно быть, очень смешно» [Окуджава, 2015, с. 8].

Проза современных авторов о Великой Отечественной войне представляет собой литературную рефлексию, рецепцию (а иногда и деконструкцию) традиций советской литературы. Так, в рассказе А. Геращенко «Бельчонок» (1992) интерпретируются сразу несколько мотивов, традиционных для белорусской военной прозы: уничтожение фашистами деревни, жители которой сотрудничают с партизанами, трагическая история маленького мальчика, которому не удалось избежать гибели, внезапное пробуждение в немецком офицере человеческих качеств (сравнивает белорусского мальчика со своими детьми), которое сменяется приступом ярости и жестокости.

Прием «двойного видения» в рассказе изоморфен когнитивной задаче автора: передать психологическое состояние ребенка, ставшего свидетелем гибели дедушки, бабушки и маленькой сестрички, напуганного, затравленного, и выявить особенности психологии фашизма, в последний год войны также ощущающего затравленность и страх перед неизбежным возмездием. Потому в субъектной организации рассказа можно выделить два повествовательных дискурса: мировосприятие мальчика Рыгорки и позиция автора-повествователя, раскрывающего движения души офицера Нойберта.

Детское мировосприятие – мифологическое. Ребенок верит, что его родные попали на небо, надеется, что он тоже скоро попадет к ним, – это помогает ему смириться с неизбежным. В рассказе присутствует и традиционный для военной литературы образ игрушки (плюшевый бельчонок, которого Рыгорка носит с собой) как символа уничтоженного войной детства. При этом сам факт гибели мальчика интерпретирован не традиционно, а сообразно коммуникативной стратегии рассказа.

Как правило, гибель ребенка в произведении указывает на отсутствие будущего, невозможность дальнейшего развития чего-либо. В рассказе А. Геращенко с судьбой мальчика Рыгорки ассоциирует будущность своих детей фашист Нойберт: «О, мой Бог, как он похож на Фрица! Пусть бежит к лесу. Если добежит – то и Фриц останется жив, а нет... У Нойберта лоб покрылся испариной от навязчивой мысли о том, что жизнь Фрица зависит от того, сумеет ли русский мальчик пробежать до леса» [Геращенко, 2022, с. 11]. Ребенка убивает его сослуживец Пауль, что для самого Нойберта метафорически означает вхождение советской армии в Баварию, вторжение в его дом, угрозу для жизни его детей. Следовательно, в контексте рассказа смерть Рыгорки – предвестник великой Победы. Автор подкрепляет эту мысль, указанием на то, что гибель мальчика случилась в Рождество, была принесена сакральная жертва, зима сорок четвертого года стала последней зимой оккупации...

Повесть Олега Сешко «Снуть вошлебная» (2023) продолжает традиции условно-метафорической прозы последней трети XX – начала XXI века. Организация повести представляет собой переплетение нескольких пространственно-временных планов, или нескольких альтернативных реальностей, обладающих самостоятельными повествовательными дискурсами и коммуникативными задачами.

Первый пространственно-временной план – маленький заполярный посёлок, наши дни. Семиклассница Катя Соколова переезжает с родителями из большого города к новому месту службы отца. Мировосприятие подростка неожиданно меняется, когда она находит в новой квартире за батареей маленькую, с ладонь, куклу из бересты и куска тряпки. «Акка» – так называет её одноклассница Аня Кочкина и поясняет: «Раньше бабушки дарили её внукам. Знаешь, Акка ведь с саамского переводится как «бабушка». А сейчас дети делают таких кукол в клубе. Ничего в ней нет. Никакого толка. Саамская народная игрушка» [Сешко, 2022, с. 25]. Поэтому и Катя вначале никак не связывает находку с неожиданными ночными видениями, в которых она перемещается в незнакомый ей город на большой реке, находящийся на границе войны и мира...

Каждую ночь девочка словно погружается в мир, день за днём наполняемый трагическими событиями Великой Отечественной войны, сопереживая героям своих сновидений, становится сознательнее и ответственнее в повседневной жизни, учится понимать и ценить простые повседневные вещи: домашний уют, весеннее тепло, друзей, родителей. Догадка о том, что причина ночных перевоплощений – Акка, приходит не сразу, а когда приходит, оказывается, что в волшебной кукле нуждается её настоящий хозяин – маленький Максимка, страдающий болезненными ночными кошмарами. В Максимкиных снах живёт серенький волчок, готовый «ухватить за бочок и тащить во лесок под ракитовый кусток». Лишь только малыш закрывает глаза – он тут как тут – голодный и злой, обитающий в точке пересечения жизни и смерти, обретший однажды вечность, которую искал. Единственная защитница мальчика от ночных кошмаров – старинная саамская кукла. Он считает её своей волшебной подругой, потому что она помогает ему уснуть. Но Максимка пока плохо выговаривает слова, поэтому «уснуть» превращается в «снуть», а «волшебная» – в «вошлебная». Снуть вошлебная – кукла, которой остерегается серенький, которую потерял при переезде Максимка, и нашла главная героиня повести. Таким образом, Катя оказывается перед

тяжёлым выбором – впервые от её решения зависит жизнь человека. Что делать: оставить куклу себе, чтобы иметь возможность помогать людям в своих снах, ставшим уже почти реальными и родными, или попытаться спасти неизвестного ей Максимку, вернув ему куклу?

Второй пространственно-временной план представляет собой фантасмагорию, ночные видения Кати Соколовой, в которых она в образе маленькой крылатой девочки становится свидетелем начала Великой Отечественной войны в незнакомом ей городе. Сначала она наблюдает события из окна комнаты третьего этажа старого дома на узенькой улице. Потом, обнаружив в себе умение управлять солнечными лучиками, улучшает с их помощью настроение людей и делает ярче краски вокруг, дразнит дворника Якова – единственного человека, способного видеть её и общаться с ней во снах. Яков называет Катю «Стрекозой», и она с радостью принимает это прозвище. Она, действительно, как стрекоза быстро перемещается из одного места города в другое, отправляя свои лучики на помощь людям. Но количество лучиков и их магические способности не постоянны. Стоит девочке совершить неблагоприятный поступок в реальной жизни, она тут же становится менее могущественной во сне – такова зависимость. Когда в город приходит война, к этой особенности приходится отнестись серьезней, и стать более требовательной к себе и внимательной к близким в реальной жизни. Теперь от силы Катиных лучиков и её расторопности зависят человеческие жизни и в первую очередь – жизнь маленького любознательного мальчика Лёвы, за которым её попросил присмотреть Яков, и который так и не успевает пойти в первый класс. Этот фантазийный план повести становится переходным, соединяющим современную действительность, в которой живёт Катя, и трагическую реальность первого года войны, в которую Катя погружается под действием волшебной куклы.

Третий пространственно-временной план повести – белорусский город на Западной Двине, начало войны. В центре внимания – драма еврейской семьи, описанная ярко, тяжело и надрывно. Читатель видит мир, а точнее – его крушение – глазами шестилетнего мальчика Лёвы. Обстановка военного города, гетто, образы полицаев и фашистов, красных командиров, солдат, горожан, Лёвиных мамы, папы, бабушки, самого Лёвы и его подруги Годы созданы глубоко и красочно. С особой любовью и переживанием за его судьбу и место в истории нарисован город. Лёва, недавно готовившийся к первому классу школы, становится вдруг ответственным за больную бабушку и случайно встреченную в гетто девочку Году, потерявшую всех родных. Он ходит в город тайной тропой, чтобы добыть немного еды, рискует. Да, ему помогают старый дворник Яков и пёс Шершень, но даже они не в силах предотвратить все опасности.

История Лёвы, трагически обрываясь в Катиных снах, неожиданно продолжается наяву. Автор изображает Лёву пожилым, но крепким стариком, живущим отшельником на небольшом каменистом острове. Страница за страницей перед нами проходит его послевоенная жизнь: спасение из гетто, усыновление раненым партизаном-помором, переезд на большую землю далеко от войны, любовь к саамской девушке. Именно Акка когда-то помогла ему избавиться от послевоенных кошмаров, потом перешла по наследству к дочке, а та подарила её Максимке. Лёва наяву беседует с Катей, которая понимает вдруг, что произошедшее с ней во сне – часть

большой непостижимой реальности. Девочка узнаёт, что усилия её не напрасны, и убеждается в правильности сделанного выбора. «Мы тогда победили, выстояли в гетто, в лагерях, на фронте, в тылу, в голоде и холоде, в болезнях, в огне, в крови, в горе, потому что вы сегодня такие – настоящие. Вы тогда нас спасли, мы чувствовали вас, верили, что вы есть. Именно такие» [Сешко, 2023, с. 217-218], – говорит Кате Лёва и дарит ей яблоко. Такое же он нёс когда-то в гетто Года, но та уехала на чёрной машине навстречу смерти, так и не дождавшись своего друга.

Сложность и многообразие приемов внешней и внутренней фокализации, используемых в субъектной организации повести О. Сешко свидетельствует об индивидуально-авторской трансформации приема «двойного видения» в современной прозе, созданной в стилевой интеграции реализм–модернизм. Изображая войну глазами детей с разных ракурсов (Лёва – участник событий, Катя – наблюдатель, которого от реалий военного времени отделяют более восьми десятилетий), писатель создает историю, необходимую сегодня для воспитания в подрастающем поколении любви к Родине, к её прошлому, ответственности за свои поступки, за окружающих людей. Историю, которая учит ценить то, что у тебя есть сегодня, и аккуратно относиться к будущему, историю о семейных ценностях, об уважении к старшим. Историю об умении сделать выбор.

Таким образом, прием «двойного видения» в советской военной прозе сформировался в творчестве авторов из поколения «детей войны». Данный прием позволил писателям, с одной стороны, дистанцироваться во времени от описываемых событий и дать объективную оценку преступлениям фашизма, с другой – воплотить в тексте художественного произведения автобиографический опыт и создать максимально достоверную психологическую картину переживаний и потрясений героя-ребенка в период военного лихолетья. В современной прозе о Великой Отечественной войне прием «двойного видения» претерпевает трансформацию в связи с индивидуально-авторскими творческими поисками, необходимостью дифференцировать способы внешней и внутренней фокализации, созданием новых социальных и культурных импликаций исторической памяти о трагедии советского народа в годы войны.

Литература и источники

- Геращенко А. Е. (2022). *Бельчонок: рассказ: посвящается всем детям мира, погибшим во время Второй мировой войны*. Минск: Альтиора Форте, 18.
- Крестинский А. А. (2019). *Мальчики из блокады: рассказы и повести*. Санкт-Петербург; Москва: Речь, 224.
- Окуджава Б. Ш. (2015). *Будь здоров, школяр!* Нижний Новгород: Самокат, 160.
- Сешко О. В. (2022). *Снуть волшебная: повесть. Книга 1*. Гомель: Барк, 228.
- Сешко О. В. (2023). *Снуть волшебная: повесть. Книга 2*. Гомель: Барк, 228.
- Чорны К. (1975). *Збор твораў: у 8 тамах. Т. 8*. Мінск: Мастацкая літаратура, 608.

References

- Gerashchenko A. E. (2022). *Bel'chonok*. [Little squirrel]. Minsk: Al'tiora Forte, 18.
- Krestinskii A.A. (2019). *Mal'chiki iz blokady*. [Boys from the siege]. Saint Petersburg: Rech', 224.
- Okudzhava B.Sh. (2015). *Bud' zdorov, shkoliar!* [Be healthy, schoolboy!]. Nizhnii Novgorod: Samokat, 160.
- Seshko O.V. (2022). *Snut' voshlebnaia. Povest'. Kniga 1.* [Snut voshlebnaia. Novel. Book 1]. Gomel': Bark, 228.
- Seshko O.V. (2023). *Snut' voshlebnaia. Povest'. Kniga 2.* [Snut voshlebnaia. Novel. Book 2]. Gomel': Bark, 228.
- Chorny K. (1975). *Zbor tvoraŭ: u 8 tamah. Tom 8.* [Collected Works in 8 volumes. Volume 8]. Minsk: Mastatskaia litaratura, 608.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 5.03.2024.
Принята к публикации 15.08.2024.

Об авторе

Крикливец Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; ORCID: 0000-0002-4640-0785; kriklivec@mail.ru

Kriklivets E. V.

“THE PHENOMENON OF DOUBLE VISION” IN SOVIET WAR PROSE AND IN THE WORKS OF MODERN AUTHORS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR.

Abstract. In the 60s and 70s of the twentieth century, authors from the generation of “children of war” came to literature. Their personal military experience differs from the experience of representatives of “lieutenant prose”, but the autobiographical basis of creativity is indisputable. In Belarusian literary criticism the term “the phenomenon of double vision” appears to denote the specificity of the subjective organization of the works of a number of writers. This concept can be extrapolated to the study of Russian military prose of the Soviet and post-Soviet period. The prose of modern authors about the Great Patriotic War is a literary reflection, reception or deconstruction of the traditions of Soviet literature, in it the technique of “double vision” undergoes a transformation in connection with individual author’s creative searches, the need to differentiate methods of external and internal focalization, the creation of new social and cultural implications of historical memory about the tragedy of the Soviet people during the war.

Key words: russian literature, belarusian literature, realism, modernism, military prose, subject organization, “double vision” technique.

For citation: Kriklivets E.V. “The phenomenon of double vision” in Soviet war prose and in the works of modern authors about the Great Patriotic War. *Memoirs of NovSU*, 2024, 3(54), 451-458. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.3(54).451-458